

Автор - Таина Ким, Харьков (Украина).

ПО ТУ СТОРОНУ

Самоубийца

В Москве оставив клён заледенелый и клиники смиренный засов, он рвался за чекистские пределы в страну, где львы стократ добрее псов. Ловили обжигающий и хрупкий декабрьский снег рождественские дни, и замать горячилась: друг мой, друг

мой, повремени сбегать, повремени.

Ты-дым, ты-дым – несли вагон колёса, и вспомнились в дороге, невзначай, берёз
рязанских шёлковые косы и... Шурочки нелепое «прощай».

Вокзал. Нева.

Заснеженной и льдистой спала мертвецки тихая река. Катил в санях извозчик, да со
свистом, на плаху озорного седока. Взирали на них, охочий до туманов, угрюмый город.
Рыскали вблизи завистники, громилы, шарлатаны, готовые клыки в друзей вонзить.
Вдали колокола запели звонко, протяжно, грустно, как за упокой. Тряхнула тощей
гривой лошадёнка, и сани растворились над рекой.

Спускалась ночь на стены Англетера, вплетала тайну века в полутьму, когда ковром
обёрнутое тело в покои внёс «харон» из ГПУ. Луна завывала жалобно на волка, шатаясь в
небе, словно во хмелю. А чёрный человек в дверную щёлку глазел, как шея гладила
петлю.

Таять

□ □ □ □ □ □ *И таять, таять, таять в далеко*
□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ *М. Зиновкин*

Ни взглядом, ни дыханием, ни сном
ты не войдёшь в зашторье тихой спальни,
и не прольётся ласковым теплом
светильник твой на столике журнальном.
Теперь могу сполна принадлежать
бессоннице - приходит еженощно
и, открывая старую тетрадь,
её листает вспать и ропщет, ропщет...
Луна - хранитель истин и клевет,
портьеры огибая полукругом,
глядит на то, как блекнет твой портрет,
как мир мой одиночеством напуган,
как после изнурительной борьбы,
на полдороге от любви до смерти,
всё-всё, что между вымыслом и бы-
лью капсулами в тоненькие нервы,
чтоб в глубине распахнутых зрачков
тебя искать, гасить сомнений искры
и таять, таять, таять в далеко,
покуда есть заснеженное близко.

Солдат и чёрт

□ □ *Однажды шторм закончится, и ты не вспомнишь, как его пережил. Ты даже не будешь
уверен в том, закончился ли он на самом деле. Но одна вещь бесспорна: когда ты*

*Выйдешь из шторма, ты никогда снова не станешь тем человеком, который вошёл в него.
Потому что в этом и был весь его смысл.*

□ □ Харуки Мураками

Холодом давит мне в спину поле,
так и не вспаханное никем.
Зубы сжимая, скулю от боли,
даже поднять головы не волен.
Выстрелы слышатся вдалеке.

– Стонешь, солдатик? – проблеял в ухо
чёрт и с ехидством нажал на грудь. –
Бой завершается... эка скука...
– Сволочь рогатая, кровь унюхал? –
выдох, и тут же спешу вдохнуть.
– Душу унюхал! А кровь – на кой мне? –
рожу скривил, посмотрел окрест. –
Славная, братец, случилась бойня,
многим – со мной, а иным – по койкам,
если чахотка в пути не съест.

Тело как будто окаменело,
еле ворочаю языком:
– Мне бы, конечно, пожить хотелось...
– Это калекой? Ценю за смелость...
– Сеять пшеницу в селе своём,
жёнку голубить, растить сынишку,
рыбу в пруду на заре удить...
– Хех, до чего же смешной парнишка, -
чёрт рассмеялся и вынул книжку
из ниоткуда. – Ещё что?
– Пить.

– Пить? Это можно...
Удар копытом.
Облако бросило дождь в лицо.
– В списках не значишься. Ох, и прыток. –
чёрт, хлопнув книгой, сказал сердито, –
Не повезло, рядовой Кольцов.
К слову, – в глазах полыхнули искры
и отразилось в тех искрах зло, –
Нет у тебя ни родных, ни близких,
в царстве небесном у них прописка –
напрочь сгорело твоё село.

Мне показалось: сижу я в клубе,

киномеханик включил кино.

Вижу, как рву маргаритки с клумбы,
чтоб подарить на свиданье Любке;
вижу, как ворон влетел в окно –
знать, непременно беда случится...

Вижу, как в небо уходит взвод –
там утопает тропа в зарнице,
там мессершмитт распластался птицей
хищной и насмерть людей клюёт.

Вижу, как вишни в саду поспели,
сыплются в руки – за ветку тронь,
как я семью обнимаю крепко,
смех разлетается мягким пеплом.
Жарко.
И всюду огонь, огонь...

В кадры такие поверить трудно.
Чувство, что я на кресте распят...
– Чёрт, если выживу - всё забуду?
Он усмехнулся:
– Возьму рассудок... Душу оставлю.
Прощай, солдат.

Долгие годы, как день вчерашний,
прячутся в пятых углах палат.
Льётся залиvistый гомон пташий,
солнце теплом осыпает пашни...
Я подхожу к санитарке Глаше:
- Милая, правда, война была?

Олег Евгеньевич Писарев

СП